

К истории слова *коновал*

Людмила Евгеньевна Кругликова, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), lekhospb@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040088

аннотация: В статье анализируется история появления лексемы *коновал*, которая первоначально служила для наименования людей, занимающихся холощением и лечением лошадей, а также других домашних животных. Это были доморощенные лекари. Отношение к ним было неоднозначным. Частые неудачные результаты лечения привели к тому, что постепенно слово *коновал* начало приобретать негативный оттенок и, как следствие, в XVIII в. у него стало формироваться еще одно значение: ‘плохой, неквалифицированный врач’.

Относительно этимологии лексемы *коновал* нет единства. Можно говорить о двух взаимоисключающих точках зрения. М. Фасмер считает, что данное существительное заимствовано из польского языка. К этому мнению присоединились составители «Этимологического словаря русского языка» под редакцией Н. М. Шанского. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева относят данную лексему к праславянскому лексическому фонду.

В статье детально разбираются обе версии происхождения. В результате проведенного анализа, обращения к многочисленным польским, восточнославянским источникам выдвигается гипотеза о том, что слово *коновал* является собственно русским. Данная лексема первоначально была принадлежностью старорусского языка, а впоследствии попала в польский язык через посредство украинского.

ключевые слова: русский язык, польский язык, лексикология, этимология, история языка

для цитирования: Кругликова Л. Е. К истории слова *коновал* // Русская речь. 2024. № 4. С. 90–107. DOI: 10.31857/S0131611724040088.

From the History of the Russian Language

On the Etymology of the Word *Konoval*

Ludmila E. Kruglikova, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg), lekhospb@mail.ru

ABSTRACT: The author of the article analyzes the etymology of the lexeme *konoval*, which originally served to name people who were engaged in grooming and treating horses, as well as other domestic animals. They were homegrown doctors. The attitude towards them was ambiguous. Frequent unsuccessful results of treatment led to the fact that the word *konoval* began to acquire a negative connotation and, as a result, in the 18th century there appeared another meaning of the word in Russian language: ‘a bad, unqualified doctor’.

There is no unity regarding the etymology of the lexeme *konoval*. There are two mutually exclusive points of view. M. Vasmer believes that this noun is borrowed from the Polish language. The compilers of the “Etymological Dictionary of the Russian Language” edited by N. M. Shansky share this view. The authors of the Etymological Dictionary of Slavic Languages edited by O. N. Trubachev attribute this lexeme to the Proto-Slavic lexical fund.

The author examines in detail both versions of the origin of the lexeme. As a result of the analysis and referring to numerous Polish and East Slavic sources, we put forward a hypothesis that the word *konoval* is actually Russian. This lexeme originally belonged to the Old Russian language, and subsequently got into the Polish language through Ukrainian.

KEYWORDS: Russian language, Polish language, lexicology, etymology, history of the language

FOR CITATION: Kruglikova L E. On the Etymology of the Word *Konoval*. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2024. No. 4. Pp. 90–107. DOI: 10.31857/S0131611724040088.

Существительное *коновал* известно в русском языке с XVI в. За этот период оно претерпело изменения в своей семантике. Изначально оно обозначало того, кто занимался холощением и лечением лошадей, а также других домашних животных. В основном это был отхожий промысел. Представление о том, как была организована деятельность коновалов, дает отрывок из «Писем из деревни» (1875) А. Н. Энгельгардта¹:

В нашей губернии почти нет местных коновалов, да и те, которые есть, преимущественно из бывших крепостных, обученных в то время, когда каждый зажиточный помещик стремился иметь все свое, не пользуются хорошей репутацией. Между тем никакое хозяйство без коновала обойтись не может, потому что в известное время года, например ранней весной, в каждом хозяйстве бывает необходимо кастрировать каких-нибудь животных: поросят, баранчиков, бычков, жеребчиков. Без коновала никто поэтому обойтись не может. Необходимость вызвала и людей, специалистов-коновалов, занимающихся кастрированием животных и отчасти их лечением, насколько это возможно для таких странствующих ветеринаров. К нам коновалы приходят издалека. Есть где-то целые селения — кажется, в Тверской губернии, — где крестьяне специально занимаются коновальством, выучиваясь этому ремеслу преимущественно друг от друга. Два раза в году — весной и осенью — коновалы отправляются из своих сел на работу, работают весной и возвращаются домой к покосу; потом опять расходятся на осень и возвращаются на зиму домой. Каждый коновал идет по известной линии, из году в год всегда по одной и той же, заходя в лежащие на его дороге деревни и господские дома, следовательно, каждый коновал имеет свою постоянную практику, и, обратно, каждая деревня, каждый хозяин имеет своего коновала, который побывает у него четыре раза в год два раза весной — идя туда и обратно — и два раза осенью. Коновал заходит в каждый дом и кастрирует все, что требуется, понятно, что он знает все свои деревни и в деревнях всех хозяев поименно. Обыкновенно, идя весной вперед, коновал только работает, но платы за работы — по крайней мере, у крестьян — не получает, потому что, если операция была неудачна, платы не полагается. Проработав весну и возвращаясь домой, коновал на обратном пути опять заходит ко всем, у кого он работал, и собирает следующий ему за труды гонорар.

¹ Обратим внимание на то, что в граничащую с белорусской землей Смоленскую губернию, где располагалось имение Энгельгардта, приходили коновалы из Тверской губернии, т. е. с востока.

К коновалам обращались и для лечения людей. Обычно так поступал бедный люд. Коновалы были доморощенными лекарями, поэтому часто не могли добиться положительных результатов, что привело к тому, что соответствующее слово стало приобретать негативный оттенок и, как следствие, в XVIII в. у него начало формироваться еще одно значение: 'плохой, неквалифицированный врач'. Этому способствовало также то, что после издания в 1713 г. Петром I указа об обучении русских людей коновальному искусству в стране стали появляться «ученые» коновалы. Для их наименования в XIX в. в русском языке появляется существительное *ветеринар*.

Особый интерес вызывает этимология лексемы *коновал*. Существуют две версии ее происхождения. По свидетельству «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, она представляет собой заимствование из польского языка, где *konował* образовалось от словосочетания *walić konia* 'валить коня для кастрации' [Фасмер 1967: 311]. Точка зрения немецкого лингвиста была поддержана составителями «Этимологического словаря русского языка» под редакцией Н. М. Шанского [Шанский (ред.) 1982: 260]. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» [Трубачев (ред.) 1983: 194] относят существительное *коновал* к праславянскому лексическому фонду. Остановимся на доводах, приводимых авторами этих двух точек зрения.

М. Фасмер, утверждая, что слово пришло в русский язык из польского, ссылается на «Этимологический словарь польского языка» А. Брюкнера [Brückner 1927: 253] и статью Р. Брандта [Брандт 1889: 139].

У А. Брюкнера слово *konował* употреблено в словарной статье *koń*, где просто перечисляются слова, восходящие к данному слову. В статье Р. Брандта «Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича» приводится информация из словаря Ф. Миклошича [Miklosich 1886: 128] о том, что тому неясна часть *wai* в *konowai*, и высказывается предположение, что «д. б. это первоначально шуточное слово: кто валит коней на землю, чтобы выхолостить» [Брандт 1889: 139]. Как видим,

Рис. 1. Русские типы.
Коновал.
По фотографии
рисунок Шпак,
гравюра Дзедзиз

Fig. 1. Russian types.
Konoval.
Based on the photograph,
drawing by Shpak,
engraving by Dziedzic

каких-либо свидетельств того, что интересующая нас лексема пришла в русский язык из польского, в этих источниках не содержится.

Мы обратились к другим этимологическим словарям польского языка. Больше всего информации содержится в лексикографическом труде Ф. Славского [Sławski 1983: 426]. В частности, в нем говорится о том, что хорошо известны аналогичные диалектные слова: *kunofou*, *konefát*, *konifáu*, дается отсылка к «Словарю польских говоров» Я. Карловича [Karlłowicz 1901: 419], работе А. Томашевского «Лопенна и окрестности в северной Великопольше» [Tomaszewski 1930: 140], исследованию П. Бака «Лексика говора Крамского края на фоне народной культуры» [Bąk 1960: 104]. Проанализируем эти работы.

В [Karlłowicz 1901: 419] в качестве иллюстраций приводятся материалы из работ Я. Бельи «Зебжидовский диалект. Диалектологическое исследование» [Biela 1882: 157], С. Матуська «Ласовский диалект в окрестностях Тарнобжега, диалектологическое исследование» [Matusiak 1880: 83] и еще одной работы Я. Бельи «Список слов, собранных в деревне Жарновка на реке Скаве» [Biela 1891: 378]². В первой работе [Biela 1882: 157] говорится о фонетических особенностях, наблюдаемых в словах с рядом суффиксов. Интересующая нас лексема наличествует в перечне лексем с морфемой *-ál* (*ów*): *jednorów*, *kapítów*, *konofów*, *mśów*, *sovížrów*. Те же самые примеры (Suff. *-ál*: *sovíždřál*, *konefát*, *kapítál*, *jednorát*, *msát* и т. д.) приводятся во втором источнике [Matusiak 1880: 83]. В третьей работе [Biela 1891: 378] дается вариант *konifów*. Выделение в интересующей нас лексеме суффикса *-ál* свидетельствует о непонятности внутренней формы слова для авторов статей. Заметим, что выше говорилось о том, что она была неясна и Ф. Миклошичу. Этот факт косвенно опровергает исконность лексемы для польского языка.

Обратимся еще к двум источникам, на которые дается ссылка у Ф. Славского кроме «Словаря польских говоров» Я. Карловича. В [Tomaszewski 1930: 140] имеется следующая информация: *kónⁿovũc*, *-oŋa* — *weterynarz*³, а в [Bąk 1960: 104] наличествует фонетический вариант *kunofou* — *konował*, *weterynarz*, *lekarz zwierząt*, *puszczający krew koniom*⁴.

Наличие слов в диалектах чаще всего является показателем исконности того или иного образования в данном языке. В нашем случае об этом говорить не приходится, т. к. имеем дело с записями фонетических вариантов наличествующей в литературном языке лексемы. Записи были

² Говоры, о которых идет речь в этих трех статьях, относятся к малопольской диалектной группе.

³ Заметим, что словарь Томашевского не является дифференциальным. В нем даются и диалектные слова, и слова литературного языка, которые используют в своей речи жители данной местности на момент сбора материала, т. е. в первой трети XX столетия.

⁴ Говоры, о которых речь идет в этих двух статьях, относятся к великопольской диалектной группе.

осуществлены в позднее время (конец XIX — XX вв.), т. е. эти варианты просто отражают особенности говора той или иной местности.

Таким образом, доказательная база для утверждения о том, что интересующая нас лексема первоначально появилась в польском языке, а впоследствии была заимствована русским языком, в данных исследованиях отсутствует.

Рассмотрим теперь точку зрения, согласно которой лексема принадлежит к праславянскому лексическому фонду. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» в качестве доказательства своей версии приводят данные из польского и восточнославянских языков. В отношении польского языка они обращаются к словарю Я. Карловича и к только что рассмотренной работе А. Томашевского [Трубачев (ред.) 1983: 194]. Неясно, почему они в отличие от Ф. Славского из двух словарей, в создании которых принимал участие Я. Карлович, выбрали тот, который предназначался главным образом для широкой публики («Словарь языка польского»), причем в этом словаре у интересующей нас лексемы нет указания на источники, из которых были взяты диалектные слова [Karłowicz 1952: 445]. Из пяти приведенных в данном словаре слов (*kanawał, konofał, konefał, konifał, kónofał*) в [Трубачев (ред.) 1983: 194] попало только два (*konofał, konifał*). Еще два источника в «Этимологическом словаре славянских языков», которые отражают говоры, относящиеся к великопольской диалектной группе, дела не меняют. В работе Е. Мациевского «Хелминско-добжунский словарь» [Maciejewski 1969: 156] фигурирует вариант, который наличествует в вышеупомянутой работе П. Бака [Bąk 1960: 104]: *kunofou*, а в работе Х. Горновича «Мальборский диалект» — *kūnovaŭ* [Górnowicz 1973: 178].

Таким образом, наличие фонетических вариантов лексемы литературного языка *konował* в современных говорах польского языка, на наш взгляд, не может служить аргументом для причисления данного существительного к праславянскому лексическому фонду.

То же самое можно сказать об украинском и белорусском языке. В [Трубачев (ред.) 1983: 194] приводится блр. *канавáл*, а также диалектное *канавáл*. Последнее со ссылкой на два источника, в которых даются записи диалектной лексики последней четверти XX в. Что же касается ссылки в отношении украинского языка на словарь Б. Д. Гринченко, то этим только констатируется факт наличия интересующей нас лексемы в украинском языке, не более. В данном словаре представлена лексика как литературного языка XIX в. и фольклора, так и большинства украинских диалектов. Он фактически представляет собой украинско-русский словарь. К словам, помещенным в данном словаре, приводятся русские соответствия, и лишь иногда имеется описательное толкование. В частности,

интересующая нас лексема подается следующим образом: **Коно́вал**, -ла, м. Коноваль. *Сюда шевці й кравці, шаповали й коновали*. Левиц. І. *Такий коновал, що через шкуру бачить* [Грінченко 1908: 278].

Мы склоняемся к тому, что слово *коновал* появилось в русском языке, а в польский язык попало через посредство украинского.

Согласно словарю Ф. Славского, впервые лексема *konował* была использована государственным и военным деятелем Великого княжества Литовского К. Дорогостайским в «Гиппике, или Книге о лошадях» («*Hippika to jest o koniach ksikgi*»), изданной в Кракове в 1603 г. [Sławski 1958–1965: 426]. Приведенная ниже карта Речи Посполитой дает представление о том, какие территории входили в ее состав в разное время, в том числе и в то время, когда создавалась книга К. Дорогостайского.

Впервые в русском языке слово *коновал* фиксируется в 1500 г. в Новгородских писцовых книгах [Шанский (ред.) 1982: 260], т. е. чуть ли не на столетие раньше, чем в польских памятниках письменности. Столетие разделяет также формирование на основе исходной семантики нового значения с пренебрежительным оттенком ‘неквалифицированный, плохой врач’. В русском языке оно появляется в XVIII в. [Сорокин (гл. ред.) 1998: 137], в польском — в XIX в. [Sławski 1983: 426].

В словарях старопольского языка лексема *konował* отсутствует. В «Польском словаре XVI века» [Mayenowa (nacz. red.) 1976: 574] находим лексему *konował* и производную от нее *konowalstwo*, но без каких-либо примеров, а лишь с отсылкой к «Словарю польского языка» С. Б. Линде [Linde 1951: 1071], первое издание которого было осуществлено в 1807–1814 гг. Это первый большой словарь польского языка. В нем в словарной статье KONOWAŁ приводится русское *коновал*, дается две цитаты из польских памятников письменности со словом *konował*, датированные 1786 и 1693 гг. Кроме того, там представлены однокоренные лексемы *konowalski* с примерами из источников 1801 и 1786 гг. и русскими соответствиями *коновáловъ*, *коновáльный*, а также существительное *konowalstwo* без цитат и соответственно года фиксации. Для сравнения *коновальский* в [Филин (гл. ред.) 1980: 279] датируется 1692 годом, т. е. *konowalski* фиксируется почти на сто лет позже, чем в русских памятниках.

Таким образом, польские памятники письменности не подтверждают более раннего употребления интересующей нас лексемы в польском языке по сравнению с русским.

Примечательно, что существительное *коновал* в русском языке фиксировалось и с соединительной гласной -е-: 1560, 1657, 1688 гг. [Филин (гл. ред.) 1980: 270]. При этом место фиксации формы *коневал* — север нашей страны (Книга расходная Николаевского Корельского монастыря, Книга приходно-расходная Александрова Свирского монастыря, Архив

Рис. 2. Карта Речи Посполитой в XVI–XVIII вв.

Fig. 2. Map of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th–18th centuries

Онежского Крестного монастыря). Такого рода образования имеются и в говорах. Так, в [Филин (гл. ред.) 1978: 249] находим *коневал* (Онеж., Гильфердинг; Медвежьегор. КАССР, Арх., Ленингр., Новг.), *коневалушко* (Онеж., Гильфердинг). Вариант с -е- присутствует в [Паникаровская

(гл. ред.) 1987: 96]: *коневал*⁵, [Герд (гл. ред.) 1995: 412]: *коневал*, *коневалка* ‘бойкая, озорная женщина или девушка’ с оттенком ‘грубая женщина’. Все эти земли входили в свое время в состав Новгородской республики (2-я четверть XII в. — 1478 г.).

Новгородские земли простирались в прошлом от Балтийского моря на западе до Уральского хребта на востоке. Именно в Новгородских писцовых книгах в 1500 г., как было сказано выше, впервые зафиксирована интересующая нас лексема. Абсолютное большинство примеров с ней (с той и с другой соединительной гласной) отмечается в памятниках на территориях, относящихся исторически к Новгородской земле⁶.

По данным «Словаря промысловой лексики Северной Руси, XV–XVII вв.», существительное *коновал* с соединительной гласной -о- фиксируется в памятниках письменности Русского Севера в 1611 и 1654 гг. [Чайкина (гл. ред.) 2005: 88]. При этом в данном словаре имеется пример использования указанной лексемы с соединительной гласной -е- (*коневал*), датированный 1650 годом. Оба варианта лексемы находим и в «Словаре лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века» Е. Н. Поляковой [Полякова 2010: 258, 259]. При этом они выступают в текстах в качестве антропонимов: *В Усолье Камском Ивашко Семенов сын Коновал* (КС, 156 обор.) 1623 [Полякова 2010: 259]. *Крестьянин починка Титова на ручью Титко Дмитриев сын Коневал* (Е 1, 12) 1647 [Полякова 2010: 258]. А это означает, что интересующая нас лексема для обозначения профессии человека появилась раньше. К тому же надо заметить, что русская речь приходила в Пермский край с территории нынешних Архангельской, Вологодской областей, Поморья.

Антропонимы фиксируются и в «Словаре древнерусских собственных имен» Н. М. Тупикова: *Данило Коноваль, Смоленский стрелец*. 1610.

⁵ Вот иллюстративные примеры из него: *Лечи́л коро́в-то, коне́й коне́ва́л*. В-У. Балаг. *Я ещё помню, как конева́л ходи́л по дома́м и выхоло́щивал бара́нчиков*. Тарн. Красн. Как видим, здесь представлен еще и фонетический вариант лексемы *коновал* с мягким согласным н.

⁶ А. А. Зализняк выделяет древненовгородский диалект, о котором сообщает следующее: «Древненовгородский диалект (Д. д.) — диалект древнерусского языка, на котором говорили в древнем Новгороде и примыкающих к нему районах древней Новгородской земли. Известен в основном по берестяным грамотам, найденным в Новгороде и Старой Руссе и датируемым XI–XV вв.» [Зализняк, Шевелёва 2005: 438]. Это древненовгородский диалект в узком смысле слова. В широком смысле под ним понимают «совокупность всех говоров древнерусского языка, представленных в древней Новгородской земле, включая также Псковскую землю» [Зализняк, Шевелёва 2005: 438]. В нашем случае, вероятно, речь можно вести о первом понимании термина, т. к. на соседних псковских землях, по данным «Псковского областного словаря», лексема *коновал* датируется намного позже (*В 24 день дано дватцать алтын за работу печерскому бобылю с Колпино Артюшки коновалу легчил десятерых жеребчиков монастырских*. Кн. прих.-расх. пск. Печ. м., л. 92 об., 1674–1675 гг.) [Лутвинова, Тарасова (ред.) 2004: 170].

Рис. 3. Карта Новгородской Республики в XV в. (до 1478 г.)

Fig. 3. Map of the Novgorod Republic in the 15th century (until 1478)

Ак. Ист. II, 357⁷. Васа Коноваль, Верхотурский стрѣлецъ. 1620. Ак. Ист. III, 87 [Тупикив 1903: 193].

От прозвища коновал ведет начало фамилия Коновалов, которая появляется в письменных источниках уже в XVI в.: 1579, 1623, 1782, 1795 гг. [Полякова 2005: 179]. В «Народном именослове Русского Севера XV–XVII веков» А. В. Кузнецова находим такие образования, как Коневал (1634 и 1645 гг.), Коновал (1622, 1629 и 1651), Коневалов, Коновалов (1622

⁷ Заметим, что в [Тупикив 1903:193] ошибочно указана страница 357 вместо страницы 351.

и 1629 гг.) [Кузнецов 2020: 132]. Фамилия *Коновалов*, датированная 1629 г., зафиксирована в словаре «Вологодские фамилии» Ю. И. Чайкиной [Чайкина 1995: 49]. О широком распространении фамилии *Коновалов* на Урале с XVII в. говорит А. Г. Мосин в своем словаре, посвященном уральским фамилиям [Мосин 2000].

Как отмечает В. А. Никонов, «становление фамилий на Севере протекало значительно раньше, чем в средней полосе России, где большая часть крестьянства была закрепощена, а крепостным фамилий не полагалось» [Никонов 1988: 67]. Отмечая, что «в силу исторического своеобразия Севера там лучше, чем где бы то ни было, сохранились местные фамилии», он обратился к данным Всероссийской переписи 1897 г. по Архангельской губернии, «которая простиралась от границы Норвегии (Кольский у.) до Северного Урала (Печорский у.)», и выполнил «подсчет фамилий всего сельского населения по шести уездам — Архангельскому, Мезенскому, Онежскому, Пинежскому, Шенкурскому, Холмогорскому — это почти 300 тыс. человек, около 4 тыс. фамилий» [Никонов 1988: 56]. В результате В. А. Никонов выяснил, что «только восемь человек записаны в форме Коновалов, а 231 человек — Коневалов» [Никонов 1988: 73]. Это, а также вышеприведенные данные дают основание предположить, что первоначально имели хождение оба варианта: с соединительными гласными *-е-* и *-о-*.

Все приведенные нами антропонимы за исключением двух примеров из [Тупиков 1903] зафиксированы на территории, которая ранее была Новгородской землей. Что же касается примеров из [Тупиков 1903: 193], то один из них (*Данило Коновалъ, Смоленскій стрѣлецъ. 1610*) относится к территории, которая ранее входила в Великое княжество Литовское, куда также входили территории, где ныне располагаются Белоруссия и Украина. И только второй пример (Андрей Борисов сын Коновалов, Шуйский посадский. 1678) нарушает данную картину.

Отметим, что Смоленская земля на севере примыкала к Новгородской. По данным «Регионального исторического словаря второй половины XVI — XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)», слово *коновал* в качестве наименования профессии впервые фиксируется на данной территории в 1598 г. [Борисова 2000: 116].

Использование прозвищ и фамилий уже в XVI и первой половине XVII в. говорит о том, что лексема *коновал* (*коневал*) в качестве наименования профессии появилась в русском языке не позднее XV в., т. к. интересующая нас лексема впервые фиксируется на стыке веков (1500 г.).

Таким образом, ни о каком заимствовании интересующей нас лексемы из польского не может быть и речи. Можно говорить только об обратном влиянии. Интересно, что Ф. Славский в словарной статье **Konował**, говоря

о том, как появилось это слово, использует помету *pln.-słow.*⁸, дает его реконструированную форму в виде **kono-valz*, интерпретирует ее как старое сложение слов **konjъ* (польское. *koń*) и **valz* из **valiti* (польское *walić*), приводя для сравнения русское диалектное *valijátъ lóšadъ*, *byčká* ‘*wałaszyć, kastrować konia, byczka*’ [Sławski 1958–1965: 426]. Фактически Ф. Славский говорит о русском происхождении соответствующего польского слова.

Наличие в польских говорах фонетических диалектизмов *konofamъ, konefamъ, konmifamъ* на территориях, которые находятся на юго-востоке и юге Польши, не исключает возможности проникновения интересующей нас лексемы в польский язык с украинской территории.

Мы обратились к украинским источникам. В этимологическом словаре украинского языка существительное *коновал* отсутствует. В «Словнике української мови XVI — першої половини XVII ст.» находим два примера использования лексемы *коновалъ*: в первом случае имеем дело с наименованием профессии (Луцк, 1582), во втором — с личным именем (Реестр запорожскому войску 1649 г.) [Гринчишин (гол. ред.) 2008: 233]. В указанном словаре дается также прилагательное *коноваловая* (Луцк, 1562). Луцк в XV–XVII вв. был одним из крупнейших ремесленно-торговых центров Великого княжества Литовского. Туда съезжались купцы из разных мест. В войско запорожское (Запорожскую сечь) принимались люди всех национальностей, но большинство составляли малороссы (украинцы). Как видим, по данным памятников письменности, в украинском языке слово появилось раньше, чем в польском, но позже, чем в русском.

Луцк расположен на северо-западе Украины недалеко от юго-востока Польши. Н. Е. Ананьева в монографии «История и диалектология польского языка» пишет: «В XVI–XVII вв. отмечается наиболее активное проникновение в польский язык восточнославянских (украинских) лексических элементов, что связано с более тесным контактом поляков с восточными славянами на территории “кресов”, формирование здесь региональной разновидности польского языка (*polszczyzna kressowa*), которая была “проводником” в литературный польский язык многих украинизмов, а через их посредничество и тюркских элементов» [Ананьева 1994: 288].

Таким образом, можно говорить о том, что интересующая нас лексема могла попасть в польский язык из украинского. Этому мы нашли подтверждение в польских источниках. В «Этимологическом словаре польского

⁸ Помета *pln.-słow.* (севернославянское) в данном случае, по всей видимости, имеет значение ‘восточнославянское’ или даже ‘севернорусское’. Термин «севернославянские языки» неоднозначен. Но чаще всего под ними понимаются восточнославянские и западнославянские языки, вместе противопоставленные южнославянским языкам [Варбот, Журавлев 1998: 39].

языка» А. Банковского говорится о том, что впервые слово *konował* зафиксировано в 1603 г., что оно является рутенизмом [Baczkowski 2000: 783]. Под рутенизмом в польском языке понимается слово, заимствованное из русских языков (преимущественно из украинского) [Doroszewski (red.) 1961]. В статье Э. З. Парафиньской «Обзор русских языковых заимствований в польском языке» читаем: «В царствование в Польше династии Ягеллонов развивались контакты с русским народом. Русские заимствования этого периода касались военно-привальной лексики, но в большинстве случаев это были слова из украинского языка, например: рогатина — *rochatyna* ('włócznia') [1, 232; 4, 347]⁹, а также коновал — *konował* (в первоначальном значении — 'лечащий коней', сейчас так называется неумелого врача или ветеринара¹⁰)» [Парафиньска 2016: 1168].

А что же в белорусском языке? В этимологическом словаре белорусского языка со ссылкой на «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера говорится о том, что белорусское существительное *канавал* было заимствовано из польского языка [Мартынов и др. (ред.) 1988: 232]. Как было показано выше, в источниках, на которые ссылается М. Фасмер, каких-либо свидетельств заимствования из польского приведено не было. Кроме того, данные, представленные в «Историческом словаре белорусского языка», также не могут служить подтверждением этого [Булыка А. М. (гл. ред.) 1996: 267]. В нем приводятся иллюстративные примеры, датированные 1681, 1684, 1685, 1691, 1692, 1697, 1698, 1711 гг. У всех у них один источник — Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг Губерний Витебской и Могилевской, вып. I–XXII. Витебск, 1871–1900. Эти губернии граничили с Русским государством. Можно предположить, что лексема *коновал* попала в белорусский язык из русского языка.

Итак, по-нашему мнению, сложное существительное *коновал* 'человек, который занимается лечением и холощением лошадей и других домашних животных', представляющее собой объединение двух праславянских основ с помощью соединительной гласной¹¹, является собственно русским образованием. В настоящее время в этом значении данное слово стало историзмом, т. к. профессия коновала просуществовала до 30-х годов XX в. Но лексема *коновал* продолжает активно жить в языке с иной семантикой: 'плохой, неквалифицированный врач'.

⁹ Под этими сокращениями в статье Э. З. Парафиньской скрываются следующие работы: Cegiela A. i Markowski A. Z polszczyzną za pan brat, Warszawa: ISKRY, 1986. 259 p.; Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego: W 3 t. 5-e wyd. T. 1. Warszawa: PWN, 1985. 210 p.

¹⁰ Так в оригинале.

¹¹ «Еще в праславянское время у глагола **valiti* / **val'ati* появилось значение 'холостить (самца домашнего животного)'. Отсюда слова *вол* 'холощенный бык', *коновал* и др.» [Журавлев 2012: 68].

Источники

Брандт Р. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича // Русский филологический вестник, издаваемый под редакцией профессора А. И. Смирнова. Т. XXII. Варшава, 1889. С. 112–144.

Грінченко Б. Д. Словарь української мови. Т. 2 (З–Н). Київ: Київська старина, 1908. 573 с.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903. 857 с.

Biela J. Gwara zebrzydowska. Studium dialektologiczne // Rozprawy i Sprawozdania z Posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. IX. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1882. S. 149–217.

Biela J. Spis wyrazów zebranych we wsi Żarnówce nad Skawą // Sprawozdania komisji językowej Akademii Umiejętności. IV. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1891. S. 374–384.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Nakł. i własność Krakowskiej spółki wydaw., 1927. 805 s.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 2 (F–K). Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1901. 552 s.

Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. 2 (H–M). Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1952. 1089 s.

Linde S. B. Słownik języka polskiego. T. I, część II (G–L). Warszawa, 1808. 1522 s.

Matusiak S. Gwara Lasowska w okolicy Tarnobrzega, studyjum dyalektologiczne // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności. VIII. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1880. S. 70–179.

Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. 562 s.

Tomaszewski A. Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce, Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1930. 223 s.

Література

Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка. М.: Изд-во МГУ, 1994. 302 с.

Борисова Е. Н., Картавенко В. С., Королева И. А. Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края). Смоленск: Изд-во Смолен. гос. пед. ун-та, 2000. 368 с.

Булыка А. М. (гал. ред.). Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 15 (Кать–коречный). Мінск: Беларуская навука, 1996. 311 с.

- Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. 54 с.
- Герд А. С. (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 выпусках. Вып. 2 (Дрожжевик–Косячок). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. 448 с.
- Гринчишин Д. Г. (гол. ред.). Словник української мови XVI–першої половини XVII ст.: У 28-ми вип. Вип. 14 (К–Коньюрація). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008. 256 с.
- Журавлев А. Ф. Взвешивание объяснительных версий в этимологической практике (О слове валун) // Русский язык в школе. 2012. № 2. С. 67–72.
- Зализняк А. А., Шевелёва М. Н. Восточнославянские языки. Древненовгородский диалект // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 438–444.
- Кузнецов А. В. Народный именослов Русского Севера XV–XVII веков: происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень. Вологда: ВОУНБ, 2020. 398 с.
- Лутовинова И. С., Тарасова М. А. (ред.). Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 348 с.
- Мартынаў В. У., Супрун А. Я., Цыхун Г. А., Краўчук Р. У. (ред.). Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 4 (К–Каята). Мінск: Навука і тэхніка, 1988. 327 с.
- Мосин А. Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (По данным исповедных росписей 1822 года). Екатеринбург: Гощицкий, 2000. 495 с.
- Никонов В. А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Паникаровская Т. Г. (гл. ред.). Словарь вологодских говоров. И–К. Вологда: Изд-во ВГПИ, 1987. 128 с.
- Парафиньска Э. З. Обзор русских языковых заимствований в польском языке // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 1167–1171.
- Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 462 с.
- Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Т. 1 (А–О). Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2010. 428 с.
- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 198 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. II (Е–Муж). М.: Прогресс, 1967. 672 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 14 (Кобзарик–Корточки). Л.: Наука, 1978. 376 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (К–Крагуяр). М.: Наука, 1980. 403 с.
- Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. Вологда: Русь, 1995. 122 с.
- Чайкина Ю. И. Словарь промысловой лексики Северной Руси, XV–XVII вв. Вып. 2 (К–О). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 333 с.

- Шанский Н. М. (ред.). Этимологический словарь русского языка. Т. II, вып. 8 (К). М.: Изд-во Московского университета, 1982. 470 с.
- Backowski A. *Etymologiczny słownik języka polskiego*. T. 1 (A–K). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. 874 s.
- Bąk P. *Słownictwo gwary okolic Kramsk na tle kultury ludowej* / Series: Prace językoznawcze. 20. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1960. 130 s.
- Doroszewski W. (red.). *Słownik języka polskiego*. T. III. H–K. Warszawa: Wiedza powszechna, 1961. 1361 s.
- Górnowicz H. *Dialekt malborski*. T. 2. *Słownik*. Z. 1 (A–O). Gdańsk: GTN, 1973. 319 s.
- Maciejewski J. *Słownik chełmińsko-dobrzyński*. Toruń, Poznań: TNT Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Oddział, 1969. 305 s.
- Mayenowa M. R. (nacz. red.). *Słownik polszczyzny XVI wieku* / Inst. badań lit. Pol. akad. nauk; Kom. red. Stanisław Bak et al. T. X (K–Korzyść). Wrocław etc.: Zakł. nar. im. Ossolińskich, 1976. 674 s.
- Ślawski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. T. II (K–Kot). Kraków: Nakładem Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego, 1983. 560 s.

References

- Anan'eva N. E. *Istoriya i dialektologiya pol'skogo yazyka* [History and dialectology of the Polish language]. Moscow, Publ. of Moscow University, 1994. 302 p.
- Backowski A. *Etymologiczny słownik języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Vol. 1. Warszawa, Scient. Publ. House PWN, 2000. 874 p.
- Bąk P. *Słownictwo gwary okolic Kramsk na tle kultury ludowej* [Vocabulary of the bustle of the Kramská region against the background of folk culture]. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1960. 130 p.
- Borisova E. N., Kartavenko V. S., Koroleva I. A. *Regional'nyi istoricheskii slovar' vtoroi poloviny XVI–XVIII vv. (po pamyatnikam pis'mennosti Smolenskogo kraya)* [Regional Historical Dictionary of the second half of the 16th – 18th centuries (according to the monuments of writing of the Smolensk region)]. Smolensk, Publ. House of Smolensk State Pedagogical University, 2000. 368 p.
- Bulyka A.M. (ch. ed.). *Gistarychny sloŭnik belaruskaj movy* [Historical dictionary of the Belarusian language]. Vol. 15. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 1996. 311 p.
- Chaikina Yu. I. *Vologodskie familii: Etimologicheskii slovar'* [Vologda Surnames: Etymological Dictionary]. Vologda, Rus' Publ., 1995. 122 p.
- Chaikina Yu. I. (ch. ed.). *Slovar' promyslovoi leksiki Severnoi Rusi, XV–XVII vv.* [Dictionary of trade vocabulary of Northern Russia, 15th – 17th centuries]. Iss. 2. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 333 p.
- Doroszewski W. (ed.). *Słownik języka polskiego* [Dictionary of the Polish language]. Vol. III. Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1961. 1361 p.

- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. In 4 vols. Vol. 2. Moscow, Progress Publ., 1967. 672 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 14. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 376 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 7. Moscow, Nauka Publ., 1980. 403 p.
- Gerd A. S. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. In 5 issues. Iss. 2. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg University. 1995. 448 p.
- Górnowicz H. *Dialekt malborski* [The Malbork dialect]. Vol. 2. *Słownik* [Dictionary]. No. 1. Gdańsk, GTN Publ., 1973. 319 p.
- Grinchishin D. G. (ch. ed.). *Slovník ukraïns'koï movi XVI–pershoï polovini XVII st.* [Dictionary of the Ukrainian language of the 16th – first half of the 17th c.]. In 28 issues. Iss. 14. Lviv, I. Kripyakevich Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2008. 256 p.
- Kuznetsov A. V. *Narodnyi imenoslov Russkogo Severa XV–XVII vekov: proiskhozhdenie imen (prozvishch), otchestv, nazvanii dereven'* [Folk onomasticon of the Russian North of the 15th–17th centuries: the origin of names (nicknames), patronymics, names of villages]. Vologda, Publ. House of Vologda Regional Universal Scientific Library named after I. V. Babushkin, 2020. 398 p.
- Lutovinova I. S., Tarasova M. A. (eds.). *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Iss. 15. St. Petersburg, Publ. of St. Petersburg University, 2004. 348 p.
- Maciejewski J. *Słownik chełmińsko-dobrzeński* [Dictionary of the Khelminsko-Dobrzynsky dialects]. Toruń, Poznań, TNT State Scient. Publ. House, 1969. 305 p.
- Martynov V. V., Suprun A. E., Tsyhun, G. A., Kravchuk R. V. (ed.). *Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy* [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Vol. 4. Minsk, Navuka i Tekhnika Publ., 1988. 327 p.
- Mayenowa M. R. (ch. ed.). *Siownik polszczyzny XVI wieku* [Polish Dictionary of the 16th century] / Inst. badac lit. Pol. akad. nauk; Vol. X. Wrocław etc., Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1976. 674 p.
- Mosin A. G. *Ural'skie familii: Materialy dlya slovary* [Ural surnames: Dictionary materials]. Vol. 1. Ekaterinburg, Goschitsky Publ., 2000. 495 p.
- Nikonov V. A. *Geografiya familii* [Geography of surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p.
- Panikarovskaya T. G. (ch. ed.). *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. I–K. Vologda: Publ. of Vologda State Pedagogical University, 1987. 128 p.
- Paraŭin'ska E. Z. [Overview of Russian language borrowings in Polish]. *Molodoi uchenyi*. 2016, no. 7, pp. 1167–1171. (In Russ.)
- Polyakova E. N. *Slovar' permskikh familii* [Dictionary of Perm surnames]. Perm, Kn. Mir Publ., 2005. 462 p.

- Polyakova E. N. *Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka* [Dictionary of the vocabulary of Perm monuments of the 16th – early 18th century]. Vol. 1. Perm, Publ. House of Perm St. Univ., 2010. 428 p.
- Shanskii N. M. (ed.). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. II, Iss. 8. Moscow, Publ. of Moscow Univ., 1982. 470 p.
- Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Vol. II. Kraków, Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego Publ., 1983. 560 p.
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 10. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 256 p.
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond.* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Iss. 10. Moscow, Nauka Publ., 1983. 198 p.
- Varbot Zh. Zh., Zhuravlev A. F. *Kratkii ponyatiino-terminologicheskii spravochnik po etimologii i istoricheskoi leksikologii* [Brief conceptual and terminological guide to etymology and historical lexicology]. Moscow, Vinogradov Russian Language Inst. of the RAS Publ., 1998. 54 p.
- Zaliznyak A. A., Sheveleva M. N. [East Slavic languages. Old Novgorod dialect]. *Yazyki mira. Slavyanskie yazyki* [Languages of the world. Slavic languages]. Moscow, Academia Publ., 2005, pp. 438–444. (In Russ.)
- Zhuravlev A. F. [Weighing explanatory versions in etymological practice (About the word boulder)]. *Russkii yazyk v shkole*, 2012, no. 2, pp. 67–72. (In Russ.)